

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2006 г. В. Г. КУЗНЕЦОВ

УЧЕНИЕ Ф. ДЕ СОССЮРА В СВЕТЕ СОССЮРОЛОГИИ

Статья посвящена новому подходу к основным положениям учения Ф. де Соссюра с учетом данных соссюрологии – изучения его творческого наследия. Результатом соссюрологических исследований стало изменение стереотипного понимания многих основополагающих принципов теории Соссюра, сложившееся на основе канонического текста “Курса общей лингвистики”. Достижением соссюрологии явилось представление учения Соссюра в виде когерентной, логической, стройной системы, научный потенциал которой далеко не исчерпан.

Соссюрология¹ – особое направление исследований, сформировавшееся и получившее развитие в Женевской лингвистической школе. Предметом соссюрологии является изучение, толкование и комментирование творческого наследия Ф. де Соссюра с целью придания его учению вида цельной стройной, согласованной во всех частях научной системы. Такой подход созвучен отношению самого Соссюра к теории языка, высказанного им во время беседы со своим студентом, слушателем его лекций Л. Готье: “Общая лингвистика представляется мне в виде геометрической системы” [Godel 1957: 30].

Началом соссюрологии можно считать 1916 г., когда Ш. Балли и А. Сеше опубликовали посмертно на основе студенческих конспектов “Курс общей лингвистики” Ф. де Соссюра. Балли и Сеше были непосредственными учениками Соссюра. Балли был слушателем соссюровских лекций по германистике и теории слога с 1893 по 1906 гг. Впервые опубликованная в 1995 г. (“Cahiers Ferdinand de Saussure”. 1995. № 48) переписка Балли и Соссюра в период с 1894 по 1912 гг. свидетельствует о том, что их связывала тесная дружба, основанная на общности научных интересов. Еще раньше начал посещать лекции Соссюра Сеше. С 1891 по 1893 гг. он слушал лекции Соссюра по сравнительной грамматике индоевропейских языков, греческой и латинской фонетике. Таким образом, ни Балли, ни Сеше не посещали лекций Соссюра по общей лингвистике, прочитанных им в 1907–1911 гг. Тем не менее они первые реконструировали научную мысль Соссюра и выступили систематизаторами его идей. Этому в немалой степени способствовало то, что многие положения учения Соссюра стали известны Балли и Сеше из устного общения и переписки с их учителем.

Влияние Соссюра чувствуется в работах Балли и Сеше, опубликованных до того, как Соссюр начал чтение курса общей лингвистики. По словам Сеше [Sechehaye 1927: 218–219], вдохновение, навеянное теорией и методом Соссюра, проявилось уже в первой крупной работе Балли “Краткий очерк стилистики”, опубликованной в 1905 г. [Bally 1905], т.е. за два года до того, как Соссюр приступил к чтению своего курса. Однако наибольший интерес в этом отношении представляет первая крупная работа самого Сеше

¹ Термин предложен Н.А. Слюсаревой.

“Программа и методы теоретической лингвистики”, вышедшая в 1908 г. [Sechehaye 1908]. Она примечательна предвосхищением, а нередко и более глубоким изложением основных положений учения Соссюра (подробнее см. [Кузнецов 2006]).

Научный интерес для историографии языкознания представляет вопрос о доли участия Балли и Сеше в подготовке к печати “Курса общей лингвистики” Соссюра. Обычно этих двух учеников Соссюра приравнивают друг к другу как равноправных участников подготовки его труда. «Если редакция “Курса”, – пишет исследователь творчества Соссюра С. Буке, – является совместным трудом двух коллег (и, как отмечает Годель, Балли часто склонялся на сторону Сеше при интерпретации записей студентов), в первоначальном замысле проекта главная роль принадлежит, кажется, Балли: публиковать не конспекты слушателей, а реконструировать научную мысль Соссюра» [Bouquet 1998: 194]. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Ш. Балли А. Мейе, обнаруженное автором в архивных материалах Балли в Коллеж де Франс, и дальнейшая переписка двух ученых [CFS 1989], Попутно отметим, что сам Мейе склонялся к тому, что при подготовке “Курса” Соссюра к печати предпочтительно основываться на конспектах его слушателей.

Работа А. Сеше “Программа и методы теоретической лингвистики” (1908), содержание которой удивительным образом перекликается с “Курсом”, дает основание считать, что он лучше был подготовлен к восприятию идей Соссюра и их систематизации, чем Балли, научные интересы которого были сосредоточены на стилистике. К тому же из документальных источников известно, что в период подготовки лекций Соссюра к изданию Балли был очень занят научно-педагогической деятельностью. Основная работа по изданию “Курса” была проделана Сеше и лишь на ее завершающем этапе в ней приняли участие Балли и Ридлингер. В самом предисловии к “Курсу” издатели пишут, что “для третьего курса [последнего и наиболее значимого. – В.К.] ...кропотливая работа по сравнению версий и редактированию была произведена одним из нас – А. Сеше” [Соссюр 1977: 36].

Балли и Сеше отдавали себе отчет в чрезвычайной сложности и ответственности задачи, за решение которой они взялись. “Мы полностью осознаем свою ответственность перед лицом научной критики и перед самим автором, который, возможно, не дал бы своего согласия на опубликование этих страниц. Эту ответственность мы принимаем на себя целиком и хотели бы, чтобы она лежала только на нас” [Там же: 38]. Действительно, задача издателей была не из легких, и как установил Р. Годель, изучивший и опубликовавший рукописные источники “Курса” Соссюра [Godel 1957], они не всегда удачно справились с нею. Так, вместо авторского заглавия первой главы первой части “Язык как система знаков”, в которой лингвистика рассматривалась как часть семиологии, они ввели заглавие “Природа языкового знака”, а связь лингвистики и семиологии перенесли во “Введение” (гл. III, § 3); этот материал был более подробно представлен в курсе, прочитанном Соссюром в 1908/1909 г., тогда как издатели представили текст на основе курса 1910/1911 г.

Вряд ли бы учение Соссюра получило быстрое распространение и завоевало бы умы лингвистов, если бы не энергичная популяризаторская и пропагандистская деятельность Балли, Сеше и Карцевского.

Впервые основные положения теории Соссюра без их анализа были представлены 27 октября 1913 г. Ш. Балли в публичной вступительной лекции курса общей лингвистики при вступлении в должность заведующего кафедрой, унаследованной от Соссюра [Bally 1913]. В то же время некоторые важные понятия учения Соссюра были представлены упрощенно и неадекватно. Это касается, в первую очередь, значимости, которую Балли приравнивал к значению, – соблазн, против которого впоследствии предостерегал Л. Ельмслев. В этой же лекции Балли заявил, что материалы Соссюра, возможно, будут когда-нибудь опубликованы.

Сеше первый обратил внимание научной общественности на новизну положений теории Соссюра, прежде всего, на ее главное звено – произвольный и линейный характер языкового знака в статье “Проблемы языка в свете новой теории”, опубликованной

всего через год после выхода “Курса” [Sechehaye 1917]². «С неутомимым упорством он, – говорил о Сеше Балли, – защищал теоретические принципы “Курса” от несправедливой критики, старался разъяснить наиболее сложные его положения, смысл которых не лежал на поверхности» [Мартен 2003: 219].

С. Карцевский был одним из самых первых пропагандистов учения Соссюра в России и Восточной Европе. Благодаря его выступлениям на заседаниях Московского лингвистического кружка весной 1918 г. отечественные лингвисты одними из первых познакомились с новаторскими идеями Соссюра. Позднее, в 20-е годы, во время пребывания Карцевского в Праге, с учением Соссюра познакомились чешские лингвисты и, руководствуясь его положениями, создали по инициативе Карцевского Пражский лингвистический кружок.

Р. Амакер выделяет два периода в развитии соссюрологии: 1) от публикации “Курса” до конца Второй мировой войны, связанный главным образом с деятельностью Балли и Сеше, 2) после 1945 г., когда началось тщательное исследование рукописного наследия Соссюра с целью придать его учению законченный и связанный характер; второй период он называет неоссюрианством [Amacker 1976: 72–73].

Известно, что издатели “Курса” ограничились некоторыми конспектами слушателей трех курсов, о чем они сами писали в предисловии, отметив, что попытки найти записи самого Соссюра окончились неудачей. Таким образом, мысль Соссюра долгое время воспринималась на основе канонического текста “Курса”.

Интересно, что еще в 1939 г. А. Сеше поставил вопрос о несоответствии мыслей Соссюра формулировкам “Курса” и о возможном их пересмотре [Sechehaye 1939: 22]. В 1952 г. А. Фрей сослался на даты и содержание лекций Соссюра; это свидетельствует о том, что он имел доступ к рукописным источникам “Курса” [Frei 1952]. Совсем не случайно именно он рекомендовал Р. Гodelю заняться их исследованием.

В 1954 г. в “Тетрадах Ф. де Соссюра” Гodelь опубликовал “Неизданные заметки Ф. де Соссюра” с предисловием, в котором сообщался важный факт: эти заметки, написанные до 1900 г., свидетельствуют, что общетеоретические проблемы интересовали Соссюра задолго до чтения лекций по общей лингвистике.

А в 1957 г. Гodelь выпустил научный труд “Рукописные источники Курса общей лингвистики” [Godel 1957], содержащий тщательный анализ оригинальных конспектов и заметок самого Соссюра, которые не были известны издателем. С этого времени ссылки на “Курс” стали корректироваться обращением к книге Гodelя.

Ученик Гodelя Р. Энглер проделал кропотливую работу по сопоставлению и сличению всех рукописных материалов с каноническим текстом “Курса общей лингвистики”, что позволило установить, как соотносится интерпретация издателей с оригинальными источниками “Курса” [Engler 1967–1968]. Он также проанализировал создание научной терминологии Соссюром. Словарь Энглера включает термины, впервые введенные в научный обиход самим Соссюром, и термины ранее существовавшие, но переосмысленные Соссюром в рамках его теории [Engler 1968].

Работы Гodelя и Энглера доказали отсутствие полной аутентичности идей Соссюра с каноническим текстом, что привело к пересмотру понимания таких кардинальных положений теории Соссюра, как различие языка и речи, синхронии и диахронии, внутренней и внешней лингвистики, подвергавшихся несправедливой критике за их противопоставление и абсолютизацию. Результатом соссюрологии стало то, что научное творчество Соссюра исследовано так глубоко, детально и всесторонне, как никакого другого лингвиста. Так, с Соссюра было снято “обвинение” в ортодоксальном противопоставлении синхронии и диахронии, внутренней и внешней лингвистики. Было установлено, что Соссюр проводил эти различия в методологическом плане, исходя из

² Московские лингвисты проявляли большой интерес к статье Сеше, поскольку в это время в Москве было всего 2–3 экземпляра “Курса общей лингвистики”, а познакомиться с учением Соссюра хотели многие [Тоддес, Чудакова 1981: 235].

сложной, противоречивой природы языка. Работа в этом направлении была продолжена, прежде всего стараниями представителя третьего поколения Женевской школы Р. Амакера. На страницах “Тетрадей Ф. де Соссюра” регулярно публикуются продолжающаяся библиография работ по соссюровской тематике, все новые и новые архивные материалы, связанные с жизнью и научным творчеством Соссюра, способствующие аналитическому осмыслению его теории и уточнению терминологии “Курса”. В Женевском университете проводятся научные конференции, посвященные творчеству Соссюра в свете современной науки.

Противопоставление языка и речи принято считать основным тезисом, исходным пунктом учения Соссюра, из которого, по словам Л. Ельмслева, логически выводится “вся остальная теория”. Приоритет этой дихотомии подчеркивался и последователями Соссюра, его учениками. Уже в упоминавшейся выше статье “Проблемы языка в свете новой теории”, написанной через год после публикации “Курса общей лингвистики”, Сеше начинает представление концепции своего учителя с анализа его учения о языке и речи [Sechehaye 1917]. В то же время позднее представители младшего поколения Женевской школы, исследователи творчества Соссюра, Р. Годель и Р. Амакер высказали иную точку зрения, согласно которой за исходный пункт теории Соссюра может быть принято семиологическое понятие знака, его произвольный характер. Это мнение было поддержано другим известным исследователем научного наследия Соссюра итальянским лингвистом Туллио де Мауро. “Произвольность знака... это – фундамент, на котором основано представление языка как формы, оно – ведущее правило любой системной организации. Различие языка как формы и речи как значимой и звуко-акустической реализации – первая система, к которой мы приходим, как только признаем абсолютно произвольный характер знака” [De Mauro 1972: 421]. Такой же точки зрения придерживается Ж. Мунен: “если бы Соссюр прожил дольше, нельзя исключить, что его теория знака стала бы отправным пунктом организации всей его доктрины” [Mounin 1968: 51].

Р. Годель, ссылаясь на рукописное введение ко 2-му курсу лекций Соссюра, считает, что семиология должна занять первое место в главном труде Соссюра [Godel 1981: 30]. Издатели же “Курса” поместили семиологию в последний параграф главы III “Объект лингвистики” Введения, следуя расположению материала в 3-м курсе, в котором Соссюр уделит семиологии незначительное место.

В уроках соссюровской лингвистики, которые А. Фрей проводил в Женевском университете, после обзора истории лингвистики он сразу переходил к теме “лингвистика и семиология”. Книга Р. Амакера “Соссюровская лингвистика” [Amacker 1975a] разделена на две равные части, первая из которых озаглавлена “Семиологическая перспектива и теория знака”.

Р. Годель считал, что “общая теория знаков является необходимым исходным пунктом любой теории языка” [Godel 1981: 30]. Логика учения Соссюра и анализ рукописных источников “Курса” свидетельствуют в пользу того, что исходным пунктом его теории является семиологическое понятие знака, тождество которого выявляется через его последовательные реализации. “Вопрос тождеств является первым и самым общим, поскольку, с одной стороны, это проблема знака (природа знака, характер языковых значимостей) и семиологии в целом. Он возникает, как только мы начинаем размышлять над отношением тождества, в соответствии с которым в различных и следующих друг за другом высказываниях мы различаем одно и то же слово, одну и ту же значимую единицу. С другой стороны, неясность самого отношения тождества во времени свидетельствует, что наука о языке не должна ограничиваться изучением форм и предписывает лингвисту, наряду с различением фактов двух порядков, принять различие двух лингвистик” [Godel 1957: 138]. Наряду с синхронией и диахронией из тождества как семиологического свойства знака выводится различие языка и речи, которое в рукописных источниках формулировалось как противопоставление “физиологического” “акустическому”: “невозможно судить о тождестве понятия в отрыве от его выражения – знака” [Там же: 137].

Представляется, что в вопросе о том, с чего начинать рассмотрение учения Соссюра, что в нем является главным звеном, нет противоречия. Дело в том, что соссюровская теория характеризуется двумя аспектами: семиологическим и лингвистическим. Если начать с первого аспекта, за исходный пункт следует принять концепцию знака, если второго – язык и речь. В отличие от второго, первый аспект в этом плане не являлся предметом глубокого и последовательного исследования, хотя, очевидно, “семиологический” подход к системному изложению учения Соссюра имеет большой научный интерес и позволил бы представить многие идеи Соссюра в новом свете.

Сеше объяснял построение “Курса” тем, что три курса лекций, прочитанных Соссюром, изложены по-разному, поэтому издатели расположили материал в том порядке, который им показался наиболее приемлемым и логичным [Sechehaye 1927: 234].

Изучение рукописных материалов, осуществленное Гodelем, свидетельствует о том, что до чтения курсов лекций по общей лингвистике Соссюр не выделял дихотомию языка и речи. А в трех курсах он ее определял в разных ракурсах.

В 1-м курсе лекций в основу различия языка и речи положены антонимии социальное – индивидуальное, психическое – физическое. Вводится новый термин “языковая способность” (*faculté du langage*)³ для обозначения способности к языку в широком смысле. Р. Энглер по поводу этого термина пишет следующее: «В “Курсе” понятие языковой деятельности определено довольно плохо. На основании заметок Соссюра, кажется, можно утверждать, что понятие языковой деятельности в значительной мере соответствует понятию языковой способности и даже уступает ей место; речь идет о генетических предпосылках языка и речи, о диалектической силе, приводящей в движение весь семиологический процесс» [Энглер 1998: XVI]. Таким образом, если Вундерли прав, то Соссюр заимствовал у Сеше не только термин, но и его понятийное содержание, как оно сформулировано в его ранней работе.

Разграничение языка и речи постулировалось Соссюром в связи с рассмотрением сущности аналогии. “Все явления речевой деятельности, особенно факты эволюции, должны рассматриваться в плане речи, с одной стороны, а с другой стороны, – хранилища мыслительных форм, т. е. известных в мысли... Если верно, что тезаурус языка всегда необходим для говорения, то и наоборот, все, что входит в язык, сначала испытывается в речи столько раз, сколько необходимо, чтобы возникло постоянное представление; язык – это не что иное, как закрепление того, что возникло посредством речи” [Godel 1957: 145]. В приведенной формулировке содержится “системоцентрический” подход к соотношению языка и речи, который был заложен в первой работе Сеше и получил развитие в его учении об организованной речи. Эта формулировка свидетельствует в пользу предположения В.М. Алпатова о том, что работа Сеше 1908 г. ускорила изложение собственной концепции Соссюра [Алпатов 2004: 70].

Язык и речь представлены как два аспекта одного и того же социального факта – языковой деятельности. Оба аспекта можно наблюдать у индивида. Речь – социальная деятельность, осуществляется в индивидуальных актах. Язык – “закрепление того, что проходит проверку в речи” и существует в памяти каждого индивида в качестве хранилища, тезауруса. И язык, и речь могут, таким образом, рассматриваться как с социальной, так и с индивидуальной стороны, причем последняя подчинена первой. Но если “сфера речи более социальна”, то из этого должно логически следовать, что речь является первостепенным объектом лингвистики.

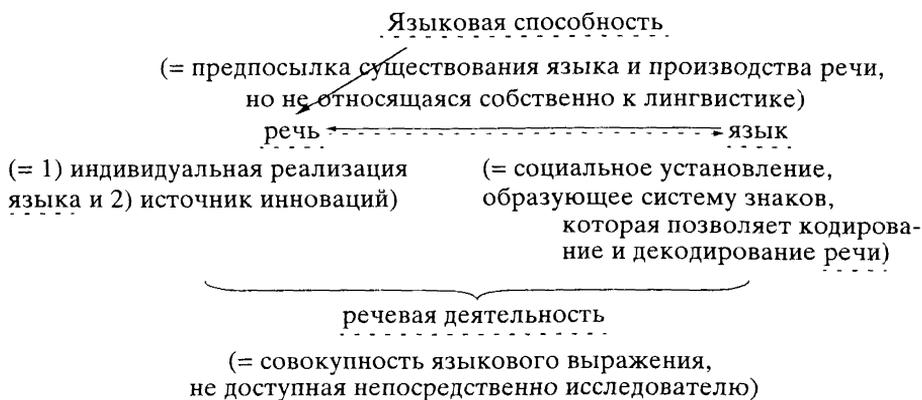
Во 2-м курсе лекций Соссюр проводил различие между языком как социальным установлением по Уитни и языковой способностью: “как только отделяют индивидуальную языковую способность от языка, имеют дело с языком, определяемым независимо от речи; дефиниция же речи, напротив, вытекает из определения языка” [Godel 1957: 149]. Это рассуждение Гodel иллюстрирует следующей схемой:

³ П. Вундерли высказал предположение, что этот термин заимствован Соссюром у Сеше из его работы “Программа и методы теоретической лингвистики” [Wunderli 1976].

По сравнению с 1-м курсом отношения между языком и речью здесь обратные. В языке в качестве основного выступает социальный аспект, а в речи соответственно – индивидуальный. Это вытекает из отношения, которое Соссюр устанавливает между речью и языковой способностью, последняя является лишь исполнением, реализацией речи. “В речи заключены идеи реализации того, что обусловлено социальным установлением” [Там же: 149]. Языковая деятельность (языковая способность индивида) характеризуется как потенциальное, виртуальное, абстрактное, речь – как реализованное. Таким образом, на первый план выступает “текстоцентрический” подход к соотношению языка и речи, который в дальнейшем получил развитие в теории актуализации Женевской школы [Кузнецов 2003: 27–40].

В соответствии с вышесказанным представляется, что схема Гodelя должна быть, как это предлагает Кёрнер [Koenig 1973: 234], дополнена.

В 3-м курсе лекций вместо противопоставления “социальное – индивидуальное” акцент делается на оппозицию “пассивное – активное”, “рецептивное – исполнительское”. Эти оппозиции можно понимать в том смысле, что язык не является ни созидательной, ни творческой деятельностью, речь же, напротив, активна в том плане, что говорящий осознает, что он хочет сказать и что он создает с помощью языковых знаков. Таким образом, “пассивное” можно трактовать как “некреативное”, и в этом смысле факт понимания – пассивен. Разграничению языка и речи как пассивного и активного Соссюр придавал столь большое значение, что говорил о нем в своем выступлении (примерно в 1912 г.) по случаю создания кафедры стилистики Женевского университета: “область, которой занимается лингвистика, весьма обширна... она состоит из двух частей: одна часть ближе к *языку* и представляет собой пассивный запас; другая же часть ближе к *речи* и представляет собой активную силу, подлинный источник тех явлений, которые затем постепенно проникают в другую часть языковой деятельности” [Соссюр 1990: 206].

Определение речи в 3-м курсе напоминает – 2-й: “акт индивида, реализующий свою языковую способность посредством социального установления – языка [индивидуальное использование языкового кода]” [Godel 1957: 154]. Речь представляет собой реализацию означающего голосом, означаемого – в соответствии с ситуацией, а также построение фраз. Речь – индивидуальное использование кода языка. В одной из своих за-

меток Соссюр уточняет характер взаимозависимости между языком и речью. “В языке нет ничего, что в него не вошло бы (непосредственно или опосредственно) через речь... Соответственно речь возможна только благодаря становлению продукта, называемого языком, который поставляет индивиду элементы, служащие для осуществления речи”. Роль коллективного разума состоит в том, чтобы вырабатывать и фиксировать этот продукт. Все, что является языком, носит коллективный характер. Сказать, что слово “вошло в язык”, означает, что оно получило одобрение коллектива. Акты речи индивидуальны и кратковременны [Там же: 155]. В этой формулировке снова содержатся два подхода, о которых упоминалось выше, – “системоцентрический” и “текстоцентрический”.

Таким образом, Соссюр стремился всесторонне охватить сложную дихотомию языка и речи, выделив присущие ей антиномии: социальное – индивидуальное, абстрактное – конкретное, пассивное – активное, психическое – физическое, репрезентация – исполнение, виртуальное – актуальное, потенциальное – реализованное. Наибольшей критике подверглись антиномии социальное – индивидуальное и пассивное – активное. Так, Э. Косериу, принимая различие между языком и речью, установленное Соссюром, критиковал его за антиномический характер этого различия: “спорным является не различие между языком и речью, само по себе неуязвимое (поскольку очевидно, что язык *не есть* то же самое, что речь), а антиномический характер, который придавал этому различию Соссюр, отрывая язык от речи” [Косериу 1963: 151].

Л.В. Щерба протестовал против самой идеи пассивного восприятия языка: “процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком” [Щерба 1965: 361].

Однако, как справедливо отмечает Р. Энглер, антиномии Соссюра приобретают ясность и логичность, если их рассматривать в контексте его учения в целом: “суровый критике подвергались соответствия *язык – социальное – пассивное, речь – индивидуальное – активное* и т.д. Мне кажется, что и в этом случае более пристальное внимание к направлению мысли Соссюра заставляет изменить толкование; так, ...определение языка как *пассивного* (в противоположность *активному* характеру *речи*) – определение, действительно, вряд ли приемлемое, – может быть скорректировано, если допустить, что *активная* сила *языковой деятельности* приводит в движение, АКТИВИЗИРУЕТ язык”; “Что же касается определений *индивидуального* и *социального*, то они не соотносятся однозначно с речью и языком; это перекрещивающиеся определения”; “Индивидуальное и социальное не соотносятся однозначным образом с языком и речью: они представляют собой нечто вроде точки отсчета, с которой соотносятся два понятия или, если угодно, своего рода полюсы, между которыми Соссюр пытается найти место *языку и речи*” [Энглер 1998: XVI, XVII].

Обосновав различие языка и речи, Соссюр сосредоточил внимание на разработке лингвистики языка как наиболее первостепенной, по его мнению, задаче. Из-за того, что Соссюр начал с лингвистики языка, нередко полагают, что он ограничивал объект науки о языке лингвистикой языка. Между тем в “Курсе” есть самостоятельная глава “Лингвистика языка и лингвистика речи”, которая свидетельствует о том, что на самом деле лингвистика языка лишь часть науки, изучающей обе стороны речевой деятельности, которая “распадается на две части: одна из них, основная, имеет своим предметом язык...; другая второстепенная... речь” [Соссюр 1977: 57]. Более того, в одной из своих заметок Соссюр писал: “сразу следует уточнить, что мы рассматриваем лингвистику как науку..., которая стремится соединить в одно целое две совершенно разные в своей основе вещи, настаивая при этом на том, что они составляют один предмет”.

Издатели “Курса” в одном из примечаний выразили сожаление, что “Соссюр никогда не касался в своих лекциях лингвистики речи” [Цит. по: Соссюр 1998: 138]. Позднее А. Сеше писал, что Соссюр имел в виду дополнить лингвистику языка лингвистикой речи, но об этом существенном факте забывают, когда интерпретируют его доктрину. Он особо отмечает, что недосказанное в теории Соссюра могло быть дополнено в теории речи. Завершенная лингвистическая концепция, по мнению Сеше, должна показать, как

Из этой подлинной схемы видно, что речь выведена в отдельную рубрику⁴.

В рукописных источниках “Курса” встречается слово *discours*. Во 2-м курсе лекций *discours* определяется как “речевая цепь” и противопоставляется “внутреннему тезаурусу, памяти” [Godel 1957: 259]. При подготовке “Курса” его издатели Ш. Балли и А. Сеше заменили *discours* на *parole*. Прилагательное *discursif* Соссюр использовал в значениях “синтагматический” (2-й курс), в сочетаниях “дискурсивный порядок” (1-й курс) и “дискурсивные единицы” (2-й курс).

Из записей лекций Соссюра студентами видно, что сравнивая язык с музыкальным произведением, с различными его исполнениями, он говорил об “исполнении в речи того, что дано в языке” [Engler 1968: 330]. Не ясно, что имел в виду Соссюр: слова, фразеологические группы или фразы. По мнению Р. Годеля, соотношение с системой, введенное издателями, не совсем удачно в этом контексте: не язык как систему следовало соотносить с музыкальным отрывком. “Симфония, соната или романс, фиксированные посредством музыкальной записи, продукт того же свойства, что и текст, который перечитывают или пересказывают. Индивид, принимающий участие в разговоре или выступающий перед аудиторией, одновременно и композитор и исполнитель подобно музыканту, который импровизирует. То, что в музыкальной композиции может сравниваться с системой языка, – это система мелодических, гармонических, метрических и ритмических значимостей (лады, тональности, аккорды, размеры и др.), используемые композиторами” [Godel 1957: 40–41].

Обобщая различные определения речи Соссюром, Годель подводит их к современному пониманию дискурса: “Пользование социальным кодом предполагает реализацию языковых способностей: первая, управляющая речевым аппаратом, проявляет себя в процессе реализации знаков... Вторая, объединяя в знаке (акустическом образе) идею со звуковым знаком”, означаемое с означаемым, осуществляется, несомненно, в процессе отбора знаков в зависимости от определенной ситуации; третья способность, наконец, организуя знаки в систему, проявляется посредством комбинаций, осуществляемых индивидом для выражения своей мысли. Реализация означаемого голосом, реализация означаемого ситуацией, конструирование фраз, – вот что представляет собой речь...” [Godel 1957: 154].

Другой исследователь научного творчества Соссюра, представитель младшего поколения Женевской школы Р. Амакер справедливо полагает, что термин “дискурс” должен занять подобающее ему место в соссюровской терминологии [Amacker 1975b: 190]. А Р. Энглер отмечает, что “теория речевых актов совместима с лингвистикой Соссюра, если допустить существование кода социальных конвенций, включающего языковой код; когнитивную лингвистику с ее идеей иконичности можно связать с тем, что Соссюр назвал иллюзией позитивного факта, иллюзией, все же отражающей некую реальность” [Энглер 1998: XX–XXI].

Стимулирующая роль Соссюра в становлении и развитии французской школы дискурса обосновывается в статье [Арош и др. 1999: 146]. “В перевороте, произведенном Соссюром, есть одна сторона, которая, как представляется, недостаточно привлекла внимание исследователей; это тот факт, что этому перевороту в теоретическом плане соответствуют глубокие изменения в подходе лингвиста к речевой деятельности”.

До настоящего времени во многих теоретических работах и учебных пособиях по истории языкознания принцип произвольности языкового знака, занимающий центральное положение в теории Соссюра, продолжает излагаться на основе канонического текста “Курса” без учета новых важных данных и коррективов соссюрологии. Поскольку этот вопрос нами специально уже рассматривался [Кузнецов 2005], мы ограничимся общими замечаниями. Издатели “Курса” Балли и Сеше представили учение Соссюра о произвольности языкового знака в упрощенном виде. Однако, как доказали “соссюрологи” Р. Годель, Р. Энглер и Р. Амакер, произвольность является ключом ко всей соссюровской лингвистике.

⁴ В “Курсе” [Соссюр 1977: 131] издатели включили речь, наряду с языком, в речевую деятельность.

Второй принцип языкового знака – линейность означающего – занимает в учении Соссюра меньше места, чем первый – произвольность, и является менее разработанным. Линейное свойство знака обусловлено тем, что его материальная сторона – означающее – разворачивается и реализуется во времени. Это свойство языкового знака Соссюр называл в своих рукописных заметках “меризмом”. Он придавал второму принципу знака не меньше значение, чем первому. Линейность – одна из особых черт, самая существенная, которая отличает естественный язык от других семиотических систем.

Р. Энглер подчеркивал, что “именно линейность знака позволяет слушающему различать и следить за разворачиванием конкретного дискурса в пространстве одновременному с реализацией речи” [Engler 1974: 116]. Даже из “Курса” можно заключить, что качественное представление времени не было чуждо Соссюру [Соссюр 1977: 76–77]. А неопубликованные заметки Соссюра “О психологизации голосовых знаков” позволяют сделать важное уточнение: оно имплицитно содержит представление о внутренней речи, которая по природе характеризуется временным фактором.

В лингвистике получило широкое распространение представление о слове как основной единице языка. Изучение рукописных источников “Курса” свидетельствует о том, что решение проблемы слова Соссюр искал в теории синтагматических и ассоциативных отношений. Так, в синтагмах *grand garçon* и *grand enfant* произношение *grand* различается, поэтому речь не может идти об одном слове. Для того, чтобы их назвать одним словом, надо вступить в область ассоциативных отношений.

В записях Соссюра имеются замечания о единицах речи: синтагме как свободной комбинации говорящим субъектом – единице, которая проявляет себя в дискурсе и предложении. Конспекты студентов свидетельствуют о том, что Соссюр колебался относительно статуса предложения как единицы языка или речи, полагая, что имеется целый ряд типов предложений, принадлежащих языку. Колебания Соссюра, замечает Амакер, связаны с его определением речи как области реализации звуков и конкретных смыслов, а также как области проявления воли и выбора со стороны индивида. Наиболее четко статус синтагмы и предложения в качестве единиц сформулирован Соссюром во 2-м курсе лекций. “Мы говорим исключительно синтагмами и вероятный механизм состоит в том, что мы имеем *типы синтагм* в голове, и в момент их использования мы приводим в действие группу ассоциаций”. Развивая мысль Соссюра, Амакер считает, что в предложении следует различать то, что принадлежит языку в результате двойной абстракции, а именно общий тип, имеющийся в нашем сознании, и то, что относится к активному, волевому, комбинаторному и, в конечном счете, творческому аспекту реализации в речи сложных знаков, которые также знаки языка, но первого уровня абстракции [Amacker 1975a: 145].

Одним из следствий линейности знака является возможность языкового творчества, без чего, в узком смысле, невозможна “свобода” говорящего субъекта, а в широком – литературное творчество. Рукописные источники “Курса” свидетельствуют о том, что Соссюр четко осознавал это важное следствие линейности знака: “Творческая деятельность может быть только комбинаторной и заключается в создании новых комбинаций”.

“Литература – это труд, затрачиваемый на сближение слов”, – говорил поэт П. Валери. Интересно замечание Р. Барта по этому поводу: “Мнение Соссюра о языке очень близко высказыванию Валери... хотя они ничего не знали друг о друге” [Barthes 1985: 225].

К проблеме взаимосвязи языка и мышления Соссюр подходил с позиции своей концепции языка как системы значимостей. Он исходил из того, что наше мышление представляет аморфную массу, где нет различий отдельных единиц, представлений и т. д. Членение, упорядочивание этой области осуществляется лишь благодаря языку, причем в каждом конкретном языке этот процесс происходит по своему. Такой подход вытекает из понимания языка как системы произвольных знаков, наделенных присущими им отношениями значимостей. “Согласно Фердинанду де Соссюру, – писал А. Сеше, – произвольные знаки... имеют значимость только потому, что они взаимообуславливают и определяют друг друга. В результате этого возникает строгое равновесие всех частей

системы, которая осуществляет произвольное, но совершенно точное членение мыслительной материи в данных пределах” [Сеше 2003: 194].

В личных записях Соссюра привлекает внимание сравнение языка со стеклами очков, через которые мы созерцаем предметы⁵. В то же время он критиковал мнение, согласно которому структурные особенности языка отражают психический склад языкового коллектива. Так, синтаксическая конструкция, характерная для семитских языков, – выражение отношения определяющего к определяемому существительному простым соположением слов – “не позволяет делать каких-либо определенных выводов относительно семитского мышления” [Соссюр 1977: 264].

Соссурология обогатила историографию языкознания новым приемом исследования – методом интерпретации, позволяющим “проникнуть” в ход рассуждений ученого в случае незаконченности его теории, и связанной с этим несогласованности ее отдельных положений. В качестве процедуры исследования использовались и сравнивались различные рукописные источники: тексты и конспекты лекций, заметки, черновики, переписка, записи устных бесед, воспоминания современников. Для реконструкции логики мысли ученого использовались библиографические ссылки в его работах, биографические сведения, сведения об ученых, оказавших влияние на формирование его лингвистических воззрений, рецензии на его работы, принадлежность к определенному направлению, традиции, научные симпатии и антипатии, философские взгляды. Плодотворным для реконструкции научной мысли Соссюра стало изучение его переписки с учеными того времени (А. Мейе, Дж. Пасколи, К. Яниусом, М. фон Берхемом, Ш. Балли и А. Сеше), поскольку письма Соссюра нередко содержали высказывания по вопросам теории языка.

Важно учитывать преемственность в научном творчестве ученого. Так, системный подход к языковым фактам содержался уже в первой крупной работе Соссюра знаменитом “Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках” (1879). Важной ступенью метода интерпретации является установление системно-обусловленных логических связей между отдельными положениями учения лингвиста с целью их представления как целого в рамках согласованной во всех своих частях доктрины.

Соссурология внесла значительный вклад в историографию науки о языке, применив на практике и продемонстрировав эффективность системного подхода в исторических исследованиях. Представление учения Соссюра как системы, а не как суммы отдельных положений и принципов, позволило обнаружить новые свойства этой научной системы, ее положений, эксплицитно не изложенных. Результатом и несомненным достижением соссурологии стало представление учения Соссюра как когерентной системы, восполнение концептуальных лакун в “Курсе”, уточнение и даже иное понимание краеугольных положений его учения. Данные соссурологии должны учитываться при изложении теории Соссюра в работах по теории и истории языкознания.

Заслуга соссурологии в том, что она показала потенциал учения Соссюра, заключенные в нем скрытые возможности генерировать новые идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 2004 – В.М. Алпатов – ИАН СЛЯ. 2004. № 4 – Рец.: В.Г. Кузнецов. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму. М., 2003.
- Арош и др. 1999 – К. Арош, Н. Анри, М. Пешё. Семантика и переворот, произведенный Соссюром: Язык, речевая деятельность, дискурс // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Косериу 1963 – Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Кузнецов 2003 – В.Г. Кузнецов. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму. М., 2003.

⁵ Н.А. Слюсарева, обратившая внимание на этот факт, подчеркивает, что “соссюровское сравнение, выпущенное в каноническом тексте, должно занять достойное место в науке о языке” [Слюсарева 1969: 318–319].

- Кузнецов 2005 – В.Г. Кузнецов. Развитие принципа произвольности языкового знака Ф. де Соссюра в Женевской школе // ИАН СЛЯ. 2005. № 6.
- Кузнецов 2006 – В.Г. Кузнецов. Ф. де Соссюр и А. Сеше. Место работы А. Сеше “Программа и методы теоретической лингвистики” в истории языкознания // ВЯ. 2006. № 3.
- Мартен 2003 – В. Мартен. Речь Виктора Мартена и прощальное слово Шарля Балли на похоронах Альбера Сеше // А. Сеше. Очерк логической структуры предложения. М., 2003.
- Сеше 2003 – А. Сеше. Мышление и язык, или Как понимать органическую связь индивидуального и социального в языке // А. Сеше. Очерк логической структуры предложения. М., 2003.
- Слюсарева 1969 – Н.А. Слюсарева. Критический анализ проблем внутренней лингвистики в концепции Ф. де Соссюра. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1969.
- Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Соссюр 1990 – Ф. де Соссюр. Наброски рецензии на книгу А. Сеше // Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Соссюр 1998 – Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики / Редакция перевода Н.А. Слюсаревой. М., 1998.
- Тоддес, Чудакова 1981 – Е.А. Тоддес, М.О. Чудакова. Первый русский перевод “Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения. 1978. М., 1981.
- Щерба 1965 – Л.В. Щерба. О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // В.А. Звегинцев. Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Энглер 1998 – Р. Энглер. Идеальная форма лингвистики Соссюра // Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1998.
- Amacker 1975a – R. Amacker. Linguistique saussurienne. Genève, 1975.
- Amacker 1975b – R. Amacker. Saussure e gli universali linguistici // Teoria e storia degli studi linguistici. Roma, 1975.
- Amacker 1976 – R. Amacker. L'influence de Ferdinand de Saussure et la linguistique générale d'inspiration saussurienne en Suisse (1940–1970) // CFS. 1976. № 30.
- Bally 1905 – Ch. Bally. Précis de stylistique. Genève, 1905.
- Bally 1913 – Ch. Bally. Ferdinand de Saussure et l'état actuel des études linguistiques. Genève, 1913.
- Barthes 1985 – R. Barthes. L'aventure sémiologique. P., 1985.
- Bouquet 1998 – S. Bouquet. Les deux paradigmes éditoriaux de la linguistique générale de Ferdinand de Saussure // CFS. 1998. № 51.
- CFS 1989 – Correspondances Bally–Meillet (1906–1932) // CFS. 1989. № 43.
- De Mauro 1972 – T. de Mauro. Introduction. Notes. Notes bibliographiques et critiques sur F. de Saussure // F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Paris, 1972.
- Engler 1967–1968 – R. Engler. F. De Saussure. Cours de linguistique générale. Edition critique par R. Engler. Fasc. I. Wisbaden, 1967; Fasc. 2–3. 1968.
- Engler 1968 – R. Engler. Lexique de la terminologie saussurienne. Utrecht-Anvers, 1968.
- Engler 1974 – R. Engler. La linéarité du signifiant // Studi saussuriani per R. Godel / R. Amacker, T. de Mauro, L. Prieto (ed). Bologna, 1974.
- Frei 1952 – H. Frei. Langue, parole et différenciation // Journal de psychologie normale et pathologique (JPNP). Avril–juin. 1952.
- Godel 1957 – R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève; Paris, 1957.
- Godel 1981 – R. Godel. Retractatio // CFS. 1981. № 35.
- Koerner 1973 – E.F. Koerner. Ferdinand de Saussure. Origin and development of his linguistic thought in Western studies of language. Braunschweig, 1973.
- Mounin 1968 – G. Mounin. Ferdinand de Saussure ou le structuraliste sans le savoir. Paris, 1968.
- Sechehaye 1908 – A. Sechehaye. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Psychologie du langage. Paris; Genève, 1908.
- Sechehaye 1917 – A. Sechehaye. Les problèmes de la langue à la lumière d'une théorie nouvelle // Revue philosophique. 1917. T. 83. № 7.
- Sechehaye 1927 – A. Sechehaye. L'école genevoise de linguistique générale // Indogerm. Forschungen. 1927. V. XLIV.
- Sechehaye 1930 – A. Sechehaye. Les mirages linguistiques // JPNP. 1930. XXVII.
- Sechehaye 1939 – A. Sechehaye. Evolution organique et évolution contingentielle // Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally. Genève, 1939.
- Wunderli 1976 – P. Wunderli. Saussure als Schuler Sechehaye? // Amsterdam studies in the theory and history of linguistics. V. 9. Amsterdam, 1976.